

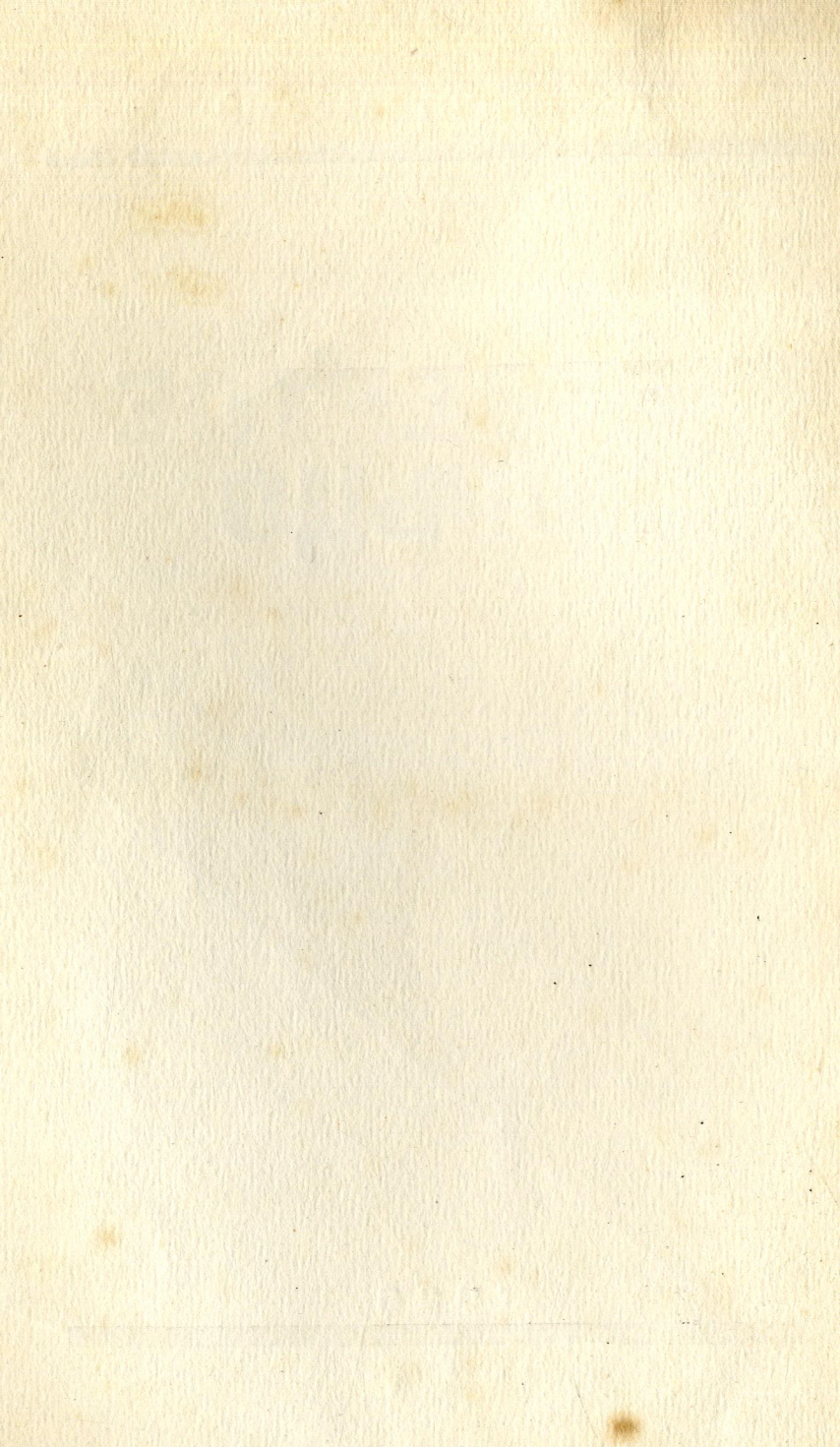
СЕМЕН ВИТЯЗЕВСКИЙ

571

ЧЕТВЕРТОЕ КОЛЬЦО

1930

ЧЕТКИ

Содружество
ЧЕТКИ
Семен
Витязевскій
ЧЕТВЕРТОЕ
КОЛЬЦО

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM
OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND ANATOMY
HARVARD UNIVERSITY

1914

25

10

Семен Витязевский

Р
28496

ЧЕТВЕРТОЕ КОЛЬЦО

СТИХОТВОРЕНИЯ

Белозерский
Авт 9-1952

32.752

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

2

СОДРУЖЕСТВО ЧЕТКИ

Львівська державна
наукова бібліотека

1025

Позабудешь и ласково спросишь:
—Развѣ в жизни встрѣчались с тобой?

Отшумѣли гульивыя рѣчи
Молодецкій напѣвъ над рѣкой.
Тот, чью долю тоска полонила,
Не придет свою грусть собирать.
Затаилась безмолвная сила
И желаніе счастье отдать.
Только в дни когда выплывет мѣсяц
И туман проползет от рѣки,
Изойдет, иззвенит балалайка
Под невѣрною лаской руки.
И тогда, может — быть, снова встрѣтят
Нас с тобой над осенней рѣкой.
Горы эхом далеким отвѣтят
И опять изойдут тишиной.

Но не будет желанья и силы
Свое лучшее счастье отдать,
И навстрѣчу разгульному вѣтру,
Задираясь с ним, громко кричать...

Золотятся морозныя дали,
Голубая пороша шумит.
Напѣвай-же ямщик без печали
Пока быстрая тройка бѣжит.
Дни пройдут и к околицѣ нашей
Подойдет молодая весна.
Будет всѣх молодицъ она краше
И румянѣе снѣга она.
Только кто ее свѣтлую встрѣтит?
Пробѣжит ея нѣжная вѣсть—
Люди выйдут и радостно скажут
Что весеннее в воздухѣ есть.
А уставшіе черныя кони
Не помчат в голубиную даль:
Нѣтъ за ними веселой погони,—
Им не нужно развѣять печаль.

Погоняй-же ямщик пока снѣжно
Пока вьюга поля замела;
То, что будет, придет неизбежно,—
А сегодня,—пусть наша взяла.!

Всхожу скрипучими ступенями
Ловлю далекій перезвон,
И облака лиловонѣжныя
Плывущіе со всѣхъ сторон.
Церковкой старою и ветхою
Забитый красится пейзаж,
И к ней дорогою старинною
Пылит разбитый экипаж.
Я вспоминаю ваше платье
И вас у бѣлаго пруда.
Провинціальную, кисейную
Стремящуюся в никуда,
Но вы, давно уже прабабушка.—
И старый скучный горизонт—
Сейчас—на старом экипажикѣ
От солнца выставленный зонт.

Под пьяный вальс все кружится, все ходит
О чем-то ласковая тихо говорит.
К столу ненужному привѣтливо подходит
Глазами кроткими ласкающе глядит.
Ну, что-же милая, разлука так разлука.
Я полюбил—ты в жизни не смогла.
Легла печатью таенная мука
Печальной просьбью у впавшаго виска.
Так было. Будет. Это так обычно!
Смѣется хмѣль в запыленном окнѣ
И хочется на Марсовос Поле
Гдѣ Марс крылатый рѣет в высотѣ.

Нѣтъ никого. В усталом рук пожатьи
Так много сказано о том, что жизнь ушла...
Одѣла утром ласковое платье
Своей прабабушки, а в полдень умерла.
Затѣм пришли. Один в косовороткѣ.
Портфель набитый, папка, карандаш..
Смѣясь ея перебирали вещи
И няня старая читала „Отче Наш“.
Потом старик вдруг подошел к покойной
Поднял фату, чуть отодвинул гроб.
Дохнул в лицо улыбкой полупьяной
Поцѣловал похолодѣвшій лоб.
— Баржуйка..бзинька.. прабабушкино платье
Лишь это вы сумѣли уберечь.

Безмолвных рук безмолвное пожатье,
В безмолвіи блуждающая рѣчь.

Смѣшно нелѣпы наши встрѣчи,
В них спит задумчивая старь—
Туман осенних переулков
Их низко стлящаяся гарь.
Сплелись причудливым узором,
Необыкновенною каймой,
В ту нить что, предки называли
Непредрѣшимою судьбой.
И вот завитками, печали,
Твоих напудренных волос,
Мнѣ кудри тихо рассказали
О том что в жизни привелось.

Не случайно мы с тобою встрѣтились.
Не случайно-ль также разошлись?
Паруса холодные обвѣтрились
И навстрѣчу солнцу пронеслись.

Наши взоры в поднебесье впаяны,
А сердца ненужны и смѣлы.
Увлекли лагуны и прогалины
Океана сѣрые валы.

Мы совсѣм сегодня, нынче, странные
От таверны старой унесла
Ты, глаза ласкающе-туманные
Дым табачный пьяного угла....

Я украл рукою непослушною
Только лишь понюшку табаку.
На дорогу, на минуту грустную
На, как хмѣль докучную, тоску.

Кто была?—таверна опустѣлая
Да и та давным давно пуста,
И стоит как барка полнотѣлая
Около стариннаго моста.

Эх! Испиты жизнию суровою
Словно в океанѣ корабли.
Гдѣ сойдемся встрѣчею мы новою
У какой заплеванной земли?

Иногда снится сон: замело всю Россію снѣгами. Ни пройти ни проѣхать, не видно под снѣгом пути. Только слѣд борозды убѣгает назад за саями и дороги вчерашней сегодня уже не найти.

Может быть только сон? — протянулись степныя равнины. Только изрѣдка свѣтъ озаряет невѣрной луны. Или бѣсы опять? Они любят кружить в новолунье, или призраки чьи, или снова тяжелые сны?

Однозвучно звенят бубенцы под моей расписною дугою. Мчитса тройка в степи и страшит заливатскій напѣв. Оживись-же ямщик! Изойди безысходной тоскою, пусть несет коренник, удила закусая, озвѣрев!

Не напрасен испуг. Не напрасно развѣяны гривы. Знать и пѣсней твоей от тоски я ямщик не спасусь. Только грусть по полям, по приволью былому развѣю и на тройкѣ шальной прокачу омертвѣвшую Русь.

В вышины свѣтъ звѣзды. На снѣгу чья-то кровь замерзает. Эй ямщик осѣнись стародавним широким крестом! В старину говорят, люди вѣрили, — крест охраняет, нынче вѣра ушла поросла оснѣженная мхом.

Гдѣ-то путь в сторонѣ. Погоняй-же ямщик поскорѣе! Видишь церковь стоит, видишь этот укрывшійся скит?

Здѣсь жива еще Русь и старинная вѣра теплѣет, и в сердцах у людей стародавняя правда горит. Занесло снѣгом Русь. Заслонило снѣгов пеленою. Знать мятель пронеслась над усталою Русью опять?

Перестань падать снѣг! Не кружись над моей стороною. Дай опять хоть-бы раз, только раз — но ее увидеть.

Да развѣется ложь нас окрывшая липким туманом! Это красная ложь на широких просторах Руси. Погоняй-же ямщик. Пѣсню пой по степному раздолью, а ты вѣтер старик по приволью ее разнеси.

Заверни лошадей. Занесут нас они в бездорожье. Этот сон как кошмар. Это бѣсы в ночной высотѣ. Аллилуя Господь! Аллилуя Руси, аллилуя. Русь распятые несет, обрѣтая вѣнец во Христѣ.

Слышишь крик?— то над Русью сегодня поднялись знамена. Только чьи? не бывало таких на Руси в старину.

Стой ямщик. Или нѣтъ. Погоняй по степному простору, погоняй их скорѣй или мать я твою прокляну!

Сторожит атаман нас в лѣсу у забытаго поля. В казакинѣ лихом и с нагайкою в барской рукѣ. Так и Стенька казак, никого на разбой не неволя, по над Волгой гулял и судил и казнил на рѣкѣ.

Замечайте снѣга. Распинайте свободную душу! Распинайте-же Русь, этим больше ее вознеся...

Слышишь шопот ямщик? Этот шопот впервые я слышу. Это шопот ручьев, что текут. Воскресенье неся!

Крылья брошены в бѣлый простор,
Пронеслись вдохновенныя крылья.
Им и страшная быль не в укор,
Им и правда—вчерашня быля.
Пусть распластано тѣло судна
И могила страшна самолета,
Но зато безконечность видна
С высоты молодого полета.
И играя в тѣни облаков,
Как пастух выводящій вновь стадо, —
Слышать нѣжную трель моторов,
Сердце летчика смѣлаго радо.
По надгорьям скользящая тѣнь,
Горделивѣе крыльев Икара,—
Есть в полетѣ блаженная лѣнь
И щемящая сладость угара.
Выше, выше. Туда, гдѣ плывут
Только тучи. Все выше и выше.

.
Словно мѣрныя капли бѣгут
Перебои по кованной крышѣ.
В аллюминіи взбросы судна,
Полотняныя тягостны крылья.
В лет—полетная радость дана
Воспріять стародавнія быля.

Пристань, гдѣ волны соленыя взброшены,
Порт, гдѣ таверны зовут моряка,—
Гдѣ всѣ пріятели, знатные, прошены,—
Всѣ,—кто приплыл на огонь маяка.

Мачты—вдали горизонтов измѣряны,
Каждый свое примѣчает судно.
Смерти и жизни людскія повѣрены
Тѣм, кто прошел Скаггераково дно.

Лица нахмурены, трубки продымлены,
Голос охрипшій и взгляд неживой.
Встанут друг к другу, ударами сшиблены
Кортик пиратскій держа под пахвой.

Кровь моряка никому то не нужная,
С грязью смѣшавшись,—окиснет скипя.
В пристань свезут труп—гдѣ шляпка ждет легкая,
Спустят на дно—в океан отступя.

Много повѣрено, многое ввѣрено,
Каждый свое примѣчает судно.
Жизнью давно человѣку придѣлено:
Суша,—простор.—Скаггераково дно.

Так,—вброшены в далекіе просторы,—
Воздушные уходят корабли,
В простор планет, гдѣ чьи то ловят взоры
Несмѣлая усилія земли.
Миганіем суботняго экрана,
Напыщенные говоря слова,
Чопорной строгостью неяснаго тумана
Нам жизнь вчерашняя,—по прежнему нова.
В усиліях поющаго простора,
Гдѣ на экранах лица говорят,
Нить чья-то завязалась разговора,
И слов столпился безъисходный ряд.
Далекое, неясное волненье
Волн голубых нам кино принесло,
Передавая южное томленье,
Опущенное робкое весло.
Искать его в миганіях и свѣтѣ,—
Хотя и хсчется до сладости,—нельзя,
Оно—звѣзда подобная кометѣ,
В безплотности плывущее скользя.
Так,—с трех часов,—в колеблемом экранѣ
Воздушные уходят корабли,
В простор планет, гдѣ чьи-то ловят взоры
Несмѣлая усилія земли.

Сжигай молодое, безумное тѣло,
Сжигай молодя, святыя мечты.
Ненужно законов, ненужно предѣла,
Звѣриныя ласки чисты и просты!
Как дикіе звѣри сходяся на волѣ,
Свершают свершеній извѣчную дань,
Так ты подчиняясь свободѣ и воли
Охотником испугана,—робкая лань.
Пусть помыслы юны, свѣжи и красивы,—
Пусть в них не видны наши сѣрые дни!
Взгляни как оленіе ночи прекрасны,—
Как чисто страстны и безмолвны они!

~~22 752~~

Львів. бібліотека
АН УРСР

Львівська державна
наукова бібліотека

1825

Петр Чтец,—убил ее во славу Бога,—
И тѣло бѣлое народ на части рвал.
Дочь математика великаго Теона,—
Гипатію,—на смерть ея вѣнчал.
Условные, ненужные законы!
В них тѣнь страданія ненужнаго легла.
Вот члены гибкіе дымятся и сгорают
На языках безмолвнаго костра.
Привѣтствую тебя Александрія!
Язычество привѣтствую твое,
За то что ты,—умѣла жить красиво,
И за твое слѣпое торжество!

Она отдала чужому
Ключ,—на закатъ дня,
И украдкой благословила
Незамѣтным крестом меня

А потом,—шелестя шелками
И роняя из рук цвѣты,
Вдаль ушла и ея духами
Опьяняя зовут слѣды.

Сегодня мы сошлись враждебно,
За городом гдѣ лег завод,
Гдѣ по рѣкѣ ползет, проворный,
Перекликаясь паракход.
И с нами люди в темных платьях
С цилиндрами на головѣ,
Такою странною походкой
Шагающіе по травѣ.
Томит ненужный шопот сцены,
Противника безцвѣтный взор,
Стальное дуло револьвера,
В предѣлѣ,—тающій простор.
От липкой крови—жгучій запах
И боль внезапная виска,
Когда вдруг, дѣвушки любимой,
Завилась локоном рѣка.
Глазами черными сверкнули
Вдали, у пристани огни,—
И вслѣд,—недвижные застыли
Никѣм не мѣрянные дни.

Таить улыбку прошлой встрѣчи,
Туман больного января.
Когда и близко и далече
В багряном всполохѣ заря.
Что в этой жизни сердцу надо?
Простят безхитростный обман,
И русскій Лель, и древній Ладосъ
Занесенные в ресторан.
Вѣдь за забрызганною стойкой
В разсвѣт подчеркнутый утра,
И нарумяненной и бойкой
Душа развѣется шатра.
А за кибиткой в бездорожье,
Под балалаек разговор
Уйти теперь всего дороже
В неперемѣянный простор.
Так в пьяной пѣснѣ проститутки
Душа богинь отражена.
Как луч изогнутого свѣта,
Сквозь спектор пыльнаго окна.
Разскажут яркіе герани
О жизни пошлой и больной,
Еще не вѣданной печали,
И молодости огневой.....

Послѣ ночей попойных,
Когда в головѣ угар,
Мутен в радугѣ, хмѣльной,
Дугой изогнутый бар.

Подходит с пьяной улыбкой,
Карминный смѣется рот.
Она нагибает груди
Пьяно пляшет ея живот,

Пойдем.—До утра. До разсвѣта.
Мигает мутный фонарь.
На старой замшѣлой башнѣ
Смѣется старик — звонарь.

В пролет переулка и скуки
Уходит зеленый чад.
Она подходит к зеркалу,
Запрокинув тѣло назад.

Сплелись в пощѣлуѣ пьяном
Вино, любовь и весна.
Ждет на углу за рестораном
Только она одна.

Шагают ноги устало,
Лихорадочный блеск в глазах.
Отшумѣли, проплакав, бублички,
Тяжесть в ее шагах.

Пройдешь на ходу,—навстрѣчу,
Цѣли нѣтъ,—остались слова.
Давно оплевано тѣло,
От тоски изошла голова.

Подходит с пьяной улыбкой,
Карминный смѣется рот.
Она нагибает груди
Пьяно пляшет ея живот.

Все для вас особенно сегодня.
Вы сошлись с товарищем моим.
И вчера на розовом разсвѣтѣ,
Он вернулся блѣдным и сѣдым.

Этот миг так больно передумать,
Развѣ мог он знать и угадать?
Сумрак блѣдный, запах бѣлых лилій
И в углу измятую кровать.

А над ней старинную икону
И лампадку синюю с огнем....
Вы уже не дѣвочка сегодня.
Помолитесь Боженькѣ о нем.

Мнѣ мил этот попик болотнаго храма,
Что долго и важно кадилом кадил,
И сумрак вечерній, над берегом тонким
В наставшую ночь, незамѣтно сгустил.

Его я не знаю, его не встрѣчаю,
Церковка стоит у спокойной рѣки,
Гдѣ аисты бѣлые стаями ходят,
И громко весною кричат журавли.

В церковкѣ я не был, ее я не видѣл,
Но слышал, как звон плыл по бѣлой водѣ,—
Звонил колокольчик, корявый и пыльный
Коронкою синей склоняясь к рѣкѣ

Да видѣл, как мошки ползли, и букашки,
И слышал как кто то невидный ходил..
А попик болотный с бородкой сѣдою
Все тряс головою и плавно кадил.

Лѣс кудрявѣет тонкій и веселый.
Весенній гомон полнит суету.
Цвѣтут медуницы и вѣется хмѣльник бѣлый—
Вот третій день весна в моем скиту,..

Тропинкой топкою—еще листва не сгнила
И не вездѣ оттаял старый лед,
Идет ко мнѣ неслышною походкой,
С котомкой сѣрою усталый пѣшеход.

Вечерній благовѣст наполнил тишь лѣсную.
Обитель древнюю объемлющій покой.
Послушник слушает и крест кладет послушный,
Лоб осѣня дрожащею рукой.

Я знаю—он сегодня еще молод.
Медунья стройная пьянит его с утра.
И нѣту сил, и он уже не смѣет
К кресту поднять несмѣлые глаза...

Уходит он, волнуясь и печально.
Нѣмой укор в его движенъях спит..
Цвѣтут медуницы и вѣется хмѣльник бѣлый—
Вот третій день вошла весна в наш скит.

Об этих днях повѣдаешь ты внукам,
Когда висок обвѣет сѣдина
И мокрый снѣг покроет пухом выступ
Вспотѣвшаго осенняго окна..

Когда по улицам и мертвым и пустынным
Пройдет зима и ляжет санный путь,
В бѣньи рѣдком станет тише сердце,
И впалой станет старческая грудь,—

Тогда о всем повѣдай не лукавя,
Вѣдь этих дней опять не возвратить,
Так научи хоть внуков от начала
Их жизни скорбной пѣть, смѣяться и любить.

Ты мнѣ дала любви немного,—
Ее не мѣрл я тогда,—
Неупиваемую чашу,—
Неосушимую до дна.

И если нынче дни сѣдые
И небо ясное в кудрях;—
Я только мальчик сѣроглазый
Пасущій стадо на холмах.

И если в ивовой свирѣли,
В вечерней томѣ тростника,
Любви сейчас не очень много,—
Все-ж это ты ее дала.

Тебѣ бабушка сказку расскажет
О петербургскихъ бѣлыхъ ночахъ
И тогда свѣтлый пепелъ ляжетъ,
На съдѣющихъ ея волосахъ.

О веселомъ шумѣ Фонтанки
О лунѣ, отраженной над Невой,
Ея дрожащія пальцы
Расскажутъ под невѣрной рукой.

А когда поднимется мѣсяцъ
И уснетъ Латинскій кварталъ,
За тобою пріѣдетъ витязь
Провожать на романтическій балъ,

И в дрожащемъ ритмѣ кареты.
Говорливомъ шумѣ колеса
Ты поймешь, почему стали строгими
Твоей бабушки постарѣвшіе глаза.

А приподнявъ занавѣску узорную
И увидя мертвый разсвѣтъ,
Вспомнишь шута маскараднаго
И его ласковый совѣтъ.

Старинных пѣсен терпкое вино,—
Все что от предков в жизни уцѣлѣло.
Щит заржавѣл заброшенный в углу
И знамя гордое на чердакѣ истлѣло.

Но в бой иду с старинной пѣсней я.
Мой конь ступает поступью бывалой,
Так возвращался он под пращом моим,
Увѣнчанным сраженьями и славой.

Мнѣ ль измѣнять преданьям боевым?
Мнѣ ль позабыть напѣвъ их сокровенный,
В рѣшеній день, когда кипит борьба
И враг поднял булат свой дерзновенный?

Под звуки прошлого, вступаю смѣло в бой!
В них жизнь старинная волшебю воскресае.
С священной пѣснею: идущій в бой вперед,
За Родину, за Правду,—побѣждает!

0,90 коп
(1986)

РЛ

1025

СЕМЕН ВИТЯЗЕВСКИЙ

571

ЧЕТВЕРТОЕ КОЛЬЦО

Четвертое кольцо

1930

ЧЕТКИ